

Андрей Преволт

The image is a book cover. At the top, the author's name 'Андрей Преволт' is written in white. The central part of the cover features a circular porthole. To the left of the porthole, the dark silhouette of a person's head and shoulder is visible, looking out. Through the porthole, a landscape is seen: a small, two-story house with a red roof stands in a flat, open field. The ground is covered in snow or ice, and the sky is a pale, overcast grey. Below the porthole, the background of the cover is a dark, textured blue-grey, suggesting a ship's hull or a dark sea. At the bottom center, the title 'Снять сапоги' is written in a large, white, serif font with a black outline. Below the title, a dark silhouette of a ship is visible on the water.

Снять сапоги

Андрей Преволт

Снять сапоги

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42647271

ISBN 9785449688521

Аннотация

На Земле, не прерываясь ни на секунду идет война, война в незримом мире спецслужб. Еще менее заметна она на стыке двух миров, явного и потустороннего. Люди, имеющие возможность воздействовать на противника в параллельной реальности, ценятся больше, чем армады танков, авианосцев и ракет. Выполняя редакционное задание, Марина случайно попадает на загадочный остров. С этого момента жизнь ее круто меняется. Часто мы не подозреваем, кем являемся на самом деле и какими способностями обладаем.

Снять сапоги

Андрей Превольт

*Все совпадения с именами, фамилиями,
воинскими званиями и названиями населенных
пунктов являются случайными*

© Андрей Превольт, 2019

ISBN 978-5-4496-8852-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

В 7:30 утра, как и было оговорено ранее, Марина стояла на причале. Ее высокие каблуки и огромная красная сумка резко контрастировали с окружающим пейзажем. Маленький причал рыболовецкой артели был завален ящиками для рыбы, кучами порванных сетей и обрывками канатов. От всего этого исходил стойкий запах гниющих водорослей и рыбы. Сморщив нос, Марина представила, как в паре метров вокруг нее, в незримом мире запахов, ее дорогой парфюм ведет сейчас ожесточенную битву со всем этим «великолепием». И только порывы ветра с моря позволяли вдохнуть полной грудью тот «коктейль», ради которого врачи советуют ехать к морю в любое время года, при любой возможности. Но как только порыв спадал, обонянием сразу овла-

девали все прелести берега. И Марине захотелось побыстрее покинуть уже этот берег. Хотя сердце убежало в пятки и ложилось на те самые каблуки при виде сейнера, на котором придется его покинуть, и от мысли, что на нем придется провести целую неделю. Облезлая до невозможности посудина с гордым названием МРС-452 мерно покачивалась у причала.

Через десять минут Марина начала замерзать, а через двадцать окоченела окончательно. Хотя по календарю было лето, температура на улице была всего два градуса, а еще и у моря.

Только без пяти восемь в конце причала показалась группа людей. Первым шагал капитан, его Марина узнала, так как встречалась с ним в правлении рыболовецкой артели, и он был очень недоволен, что ему придется взять на борт журналистку. А сейчас Марина была возмущена, почему ей пришлось почти полчаса ждать их на пронизывающем ветру. За капитаном шли еще восемь мужчин разного возраста, но все с одинаково суровыми лицами. Расставание с близкими и осознание тяжести предстоящей работы не оставили отпечатка энтузиазма на лицах этих парней. Интересно, что на причале не было ни одной провожающей женщины. Видимо, они уже привыкли к таким частым расставаниям и сами стали суровее, под стать своим мужчинам.

– Константин Пантелеймонович, неприлично для мужчины заставлять женщину так долго ждать, да еще в таком ме-

сте и в такую погоду, – сразу высказала претензию Марина.

– Бабы всегда опаздывают, вот я и взял с запасом, – буркнул в ответ капитан.

– Где вы увидели здесь бабу? – парировала Марина.

– Да ладно, от того что ты журналистка, ты не перестаешь быть бабой, – откровенно хамил капитан.

– Мы с вами еще не переходили на ты, капитан! – тоже сдержала Марина.

– А мы с тобой не на приеме у королевы. Сама же сказала: «В таком месте!». Заходи, а то вообще не возьму на борт. Навязали мне тут еще, – буркнул старый моряк и шагнул на трап.

«Гостеприимство» капитана, впрочем, не удивило Марину. Вчера в правлении артели ей пришлось выслушать и не такое в свой адрес. Он ни в какую не хотел брать ее на борт. Когда аргументы закончились, принялся орать матом, что ненавидит всех баб, включая свою жену. Марина тогда вообще ужаснулась, как вообще какая-то женщина может жить с таким монстром. Если он вытворяет такое на людях, при посторонних, то что он творит дома? И в компании этого человека предстоит провести целую неделю.

Но эта мысль не вызывала у Марины ужаса. Она была вполне готова к такому повороту событий. Являясь ведущей колонки психолога в популярном женском журнале, она частенько по заданию редакции выезжала на всевозможные рискованные мероприятия, чтобы понаблюдать общение лю-

дей в тесной обстановке и в экстремальных ситуациях. Поэтому в правлении артели Марина сама попросила определить ее в экипаж к капитану с самым буйным характером.

А характер у Константина Пантелеймоновича был действительно тяжелым. Точнее сказать, даже несносным. За тридцать с лишним лет скитания по морям он сменил множество мест работы, пока в конце концов не вернулся в родной рыбацкий поселок.

В детстве, как многие мальчишки, он мечтал бороздить океаны на белых больших кораблях. После окончания мореходки не стал возвращаться домой. Работа в рыболовецком колхозе совсем не прельщала молодого амбициозного выпускника судоводительского факультета. Остался в Архангельске. Но из-за проявившегося уже тогда непросто-го характера было тяжело уживаться в экипажах. Сменив несколько судов, уехал на Дальний Восток. Там работал в небольших компаниях. Ловил сельдь, краба, продавал их нелегально корейцам и японцам. Но умудрился рассориться и с ними. После чего ловил кильку на Каспии.

В небольших не очень престижных компаниях обычно большая текучка кадров, отчего продвижение по карьерной лестнице происходит намного быстрее. Так что в родной колхоз Константин Пантелеймонович вернулся уже молодым капитаном. К тому времени колхозы развалились, народ стал разъезжаться, и опытный человек в хозяйстве оказался очень кстати. Константин сразу стал капитаном рыболовного

сейнера, но стать хорошим руководителем у него не получалось. Народ бежал с его судна куда попало, лишь бы не работать под его началом. Но через несколько лет, на удивление многих, на сейнере под номером «452» вдруг образовался сплоченный экипаж. Причем в этом экипаже нашли друг друга те, от кого в других коллективах предпочитали поскорее избавляться. А здесь у них прямо братство образовалось, в которое теперь чужаки были не вхожи. Сейнер исправно ходил в море, но рыбы всегда ловил мало, план никогда не выполнялся. Капитан брызгал слюной в правлении, жаловался на плохие квоты, сети, старое оборудование. Но остальные члены экипажа никогда на жизнь не жаловались. И несмотря на низкую по сравнению с другими судами зарплату, никуда со своего сейнера уходить не собирались. Руководство артели подозревало, что капитан с командой занимаются какими-то махинациями, но за руку ни разу не поймали, а связываться лишний раз со скандалистом не хотели. Но вот когда из Москвы пришла просьба определить журналистку в самый сложный экипаж, не раздумывая, направили ее на сейнер капитана Никитинского. Если уж она и не выведет его на чистую воду, то хотя бы удастся ему немного насолить. Поэтому как ни пытался Константин Пантелеймонович в своей необузданной манере избавиться от журналистки, руководство все же настояло на своем.

Марина прошла по узкому качающемуся трапу и ступила на такую же танцующую из стороны в сторону палубу. Да, на-

ивно было полагать, что два круиза по Средиземному и Балтийскому морям на комфортабельных лайнерах – это уже серьезный опыт мореплавания. Как только обе ноги коснулись палубы, Марина сразу поняла, что сегодняшней завтрак скоро скажет ей «До свидания!».

– Костя, покажи мадам ее апартаменты, – резко выкрикнул капитан худощавому матросу с длинными, до плеч, светлыми волосами.

Марина хотела было возразить, что она мадемуазель, но быстро поняла, что в этой обстановке и в таком месте никакой разницы в этих значениях не увидят. Да и Константин уже со словами «Пойдемте, мадам» выхватывал сумку у нее из рук. А капитан при этом буркнул: «Так и быть, отдам тебе свою каюту. Надеюсь, ненадолго. Может, тебя волной за борт смоем, – и добавил, обращаясь уже к экипажу: – Только не забудьте заснять этот момент на телефон, чтобы эти уроды из правления потом мне мокрое дело не пришили». Марина не стала отвечать на этот выпад и молча прошла за Константином в чрево «лайнера», как она еще на причале мысленно назвала это ржавое корыто.

Кабюта капитана – это, конечно, было громко сказано. Сие помещение представляло из себя прямоугольник два с половиной на полтора метра, где были только койка с рундуком внизу, как в купе поезда, и маленькая тумбочка, прикрученная к полу большими шурупами. Бросив сумку на кровать, Марина пошла за Константином, который любезно, с ехид-

ной улыбкой согласился показать ей «параход», как все моряки почему-то называют свои суда от мала до велика.

МРС-452 представлял из себя малый рыболовный сейнер, предназначенный для ловли рыбы кошельковым способом в непродолжительных рейсах. Команда состояла из девяти человек. У капитана была маленькая отдельная каюта, остальные члены экипажа размещались в носовом кубрике, рассчитанном на восемь человек. Маленький камбуз, галлюн и душевая находились рядом с машинным отделением. За ним был трюм для выловленной рыбы и ящики для снастей.

– Хорошо, что я не страдаю клаустрофобией, – вслух произнесла Марина, когда захлопнула за собой дверь «своей» каюты. Благо еще, что есть иллюминатор, а то вообще на склеп было бы похоже. Времени обжиться в таком помещении требовалось не более одной минуты. Сев на койку, она наконец сняла каблуки. Ходить на них по качающейся палубе было непростым испытанием. И когда надела кроссовки, ощутила себя как в домашних тапочках. Но обстановка вокруг была мало похожа на домашнюю. В таком окружении, да еще после таких пожеланий капитана, расслабляться нельзя ни на минуту. Зато прочувствовав все на своей шкуре, будет интереснее писать репортаж, переживая заново самые щекотливые моменты плавания. А потерпеть-то придется всего семь дней.

В этот момент послышался грозный рык капитана: «От-

дать швартовы!» Усилился топот тяжелых башмаков по металлической палубе и крики сверху. Сейнер слегка дернулся и стал быстро отходить от причала. Внутри живота неприятно сдавило. Марина сморщилась и схватилась за край койки – началось!

В дверь каюты постучали.

– Мадам, идите обедать.

Кушать Марине не хотелось. К этому моменту она уже четыре раза выбегала на палубу, ее нещадно рвало. И сейчас только при одном упоминании о еде ей вновь стало тошнить.

Только на следующее утро Марина вышла из каюты на завтрак. Весь экипаж принимал пищу в общей каюте. Завтрак состоял из тарелки ячневой каши, чая и куска хлеба с маслом. Марина села за стол. Капитана уже не было, его голос слышался вверху, в рубке. Матросы стали один за одним вставать из-за стола и выходить на палубу. «Ну и хорошо, – подумала Марина, – так мне будет комфортнее». Последним за столом остался сидящий напротив пухлый розовощекий моторист. Он старательно дожевал горбушку с маслом, запил ее остатками чая и, вставая, произнес фразу, от которой Марине вновь стало дурно: «А у нас закон морской – кто последний доедает, тот за всеми убирает».

Теперь Марина поняла, почему ее пригласили за стол позже всех. Это совсем не потому, чтобы она не смущалась кушать за общим столом в мужской компании, а для того, чтобы она с этого стола потом убрала и вымыла посуду. Теперь,

конечно, ничего не поделаешь, придется собрать волю в кулак и убрать. Желание кушать отпало само собой, когда Марина увидела грязные тарелки с размазанными по ним остатками ячневой каши. Все это напомнило ей ее вчерашние рвотные массы. Да и сама каша, оставленная ей в кастрюле, торчащей в круглом отверстии? вырезанном в столе, выглядела совсем неаппетитно.

Марина вспомнила свою кашку, которую она готовила по утрам на завтрак. Овсяные хлопья, сваренные на молоке, подслащенные липовым медком, пальчики оближешь. Поймала себя на мысли, что быстро как-то в этот раз она соскучилась по домашней еде, по дому вообще и по Сереже в частности.

Они не были женаты и практически не жили вместе. Однажды они попробовали, съехались, пожили месяц и разбежались. Два взрослых, состоявшихся человека, со своим сложившимся укладом жизни, со своими привычками не смогли сосуществовать вместе. Было ощущение, что какая-то третья, невидимая сущность живет в их жилище, которая не дает им притереться друг к другу, которая постоянно ссорит их и не позволяет пойти на уступки. Они разъехались и следующий месяц не общались. Даже ни разу не позвонили – ни он ей, ни она ему. Потом случайно встретились в кафе, и отношения опять закружились в привычном ритме – нечастые встречи, постель, почти семейный завтрак, исчезновение одного, а то и обоих на несколько дней с нечастыми

звонками, а то и без них вовсе. За последние два года вопрос о совместном житие больше не поднимался, обоих все устраивало. Марина частенько уезжала в командировки или допоздна засиживалась в редакции. Сергей, являясь офицером госбезопасности, порой вообще исчезал на неопределенное время, и даже Марина со своим журналистским любопытством и настойчивостью не могла выпытать у него, где он был и что делал. Она-то всегда ему сообщала, куда и на сколько она едет. Ей, по правде сказать, это было очень выгодно. Когда отправляешься в рискованные экстремальные путешествия, очень полезно, чтобы кто-нибудь знал, где и с кем ты находишься. Сергей всегда внимательно слушал, искренне в очередной раз удивлялся, зачем столичной, самодостаточной, красивой, избалованной комфортом девушке ввязываться в рискованные мероприятия, порой неделями находясь в компании не очень приятных личностей. Однажды Сергей даже невольно сорвал Марине ее журналистский эксперимент. Редакция журнала, в котором она работала, вышла на руководство системы исполнения наказаний, чтобы журналистке-психологу разрешили побывать в исправительно-трудовой колонии две недели в качестве осужденной. СИН взамен запросила официальный отчет специалиста о психологическом климате в коллективах заключенных исправительно-трудовых учреждений. Ну а Марина получала материала на целый цикл публикаций, который наверняка очень заинтересовал бы читателей. Сергей очень переживал,

зная в какое опасное мероприятие ввязывается его девушка. Он старался отговорить ее, пытался запретить. Что тем более было ошибкой. Марина девушка своенравная. Даже ее главный редактор многого не мог ей запретить и мирился с ее профессиональным нахальством. И тогда Сергей, чтобы обезопасить свою подругу от агрессивной тюремной среды, позвонил руководству колонии и сказал, что в их учреждении будет тайно работать проверяющий из особого отдела. Ему нужно создать условия для работы таким образом, чтобы заключенные не догадались, кто он, но при этом за ним нужен постоянный контроль со стороны администрации. Делается это якобы для того, чтобы составить представление о работе руководства колонии из мнений заключенных, высказанных ими не психологам в погонах и не журналистам с телекамерами, когда много недоговаривается или приукрашивается, а в обыденной бытовой обстановке.

Естественно, руководство учреждения приложило все усилия, чтобы мнение у «проверяющего» об их «райском уголке» сложилось самое благоприятное. Марина на протяжении всего своего пребывания в ИТК находилась как будто на партийном собрании, где только и слышны были хвалебные речи о правильном курсе руководства, выбранной стратегии, о прекрасных личностных качествах руководителей и их большой любви к заключенным. Она быстро раскусила всю эту театральную постановку. Ярости ее не было предела. Первое подозрение, естественно, пало на Сергея. Вернув-

шись домой, Марина устроила страшный скандал и допрос с пристрастием. Но ему, само собой, удалось выйти сухим из воды. Он смог убедить Марину, что причиной провала ее редакционного задания стала утечка информации из самой СИН. Кто-то слил руководству колонии информацию о предстоящей негласной проверке, проводимой при помощи журналиста. И они приложили все усилия, чтобы выставить себя в лучшем свете. Марине пришлось смириться. Но полностью подозрений с Сергея она тогда не сняла.

Вот и сейчас, отправляясь в очередное довольно рискованное путешествие, Марина до последнего ждала какого-либо подвоха. Сергей, естественно, был против этой поездки. Находиться одной молодой красивой женщине в закрытом помещении с компанией грубых мужиков-работяг, где и помощи в случае чего ждать неоткуда, он считал верхом безумства. Да еще все это будет на утлом, давно выработавшем свой ресурс суденышке в суровом северном море. Поначалу у Марины было серьезное подозрение, что Сергею удастся каким-нибудь образом внедрить в экипаж сейнера своего человека из органов. Но увидя экипаж, она поняла, что в такой маленький коллектив не так просто поместить человека, чтобы он не выделялся на фоне других. Было видно, что новичков здесь нет, все члены экипажа давно друг друга знают. Это Марина, как опытный психолог, смогла определить по первым минутам нахождения среди этих людей. Засланный казачок отпал. Но вот вероятность того,

что кто-то из экипажа не был завербован Сергеем, исключить было нельзя. И проверить это, вычислив такого человека, будет намного сложнее. Подозрения Марины усиливалось то, что Сергей очень не хотел ее отпускать, долго отговаривал. А после того, как, по обыкновению, все его старания оказались тщетными, вдруг исчез куда-то на три дня. И теперь Марина всерьез опасалась, что он своими стараниями может сорвать ей и это редакционное задание.

Над морем стали сгущаться сумерки, но темнота наступала медленно. В это время года в таких широтах еще полярный день. Солнце заходит ненадолго, но при этом на улице уже полностью темнеет. Потом посреди ночи солнце выходит вновь, и становится светло, как днем. Если же погода пасмурная, то вообще сложно отследить солнце, так как постоянно одна степень освещенности. Правда, с каждым днем ночи удлиняются, и совсем скоро должен наступить недолгий период, когда день и ночь такие же, как и в средней полосе. Это, наверно, придуманный природой адаптационный период перехода от полярного дня к полярной ночи, а весной, соответственно, наоборот.

За весь день Марина лишь однажды вышла на палубу подышать воздухом, но жуткий холодный ветер с морозящим дождем быстро загнали ее обратно. Ближе к полудню она стала прислушиваться к происходящему на борту, чтобы не пропустить обед. Вернее, не сам обед, поесть она сможет в любом случае, а вот последней ей приходиться совсем

не хотелось. Повторить утреннюю процедуру с мытьем посуды желаниа никакого не было. А так у нее было преимущество в скорости, так как ее порция будет намного меньше мужской, и ей удастся выйти из-за стола не последней. И это у нее получилось, ко всеобщему неудовольствию экипажа.

И вот теперь на носу был ужин. Марина всерьез опасалась, что ей опять придется быть дежурной по камбузу, так как ужин был довольно скудным: чай и черный хлеб с маслом. Когда она спросила матроса, исполняющего роль кока, почему такой скромный ужин для взрослых мужчин, он ответил, что такое бывает на переходах к местам лова, когда у экипажа нет серьезной физической нагрузки. «Капитан распорядился много не жрать, – так дословно передал матрос, – чтобы команда не разжирела». Заодно и сэкономить получается на продуктах. Марина села за стол одновременно с остальными моряками. Но когда кок поставил на стол большую алюминиевую чашку с нарезанным черным хлебом, никто из них не проявил джентльменства. Они с такой скоростью расхватывали хлеб, что Марине осталась лишь корка, лежащая на дне, да еще и твердая. Учитывая еще то, что ножей для намазывания масла было всего два, она поняла, что посуду с ужина мыть будет все же она. Благо, что реально грязными были только те самые ножи да тарелка из-под масла.

Мыть посуду, испачканную сливочным маслом, холодной водой, которая к тому же течет тонкой струйкой из-за ограничений запасов пресной воды на маленьком сейнере, – за-

нятие не из легких. Марине стало надоедать такое положение дел. Уже два дня она либо сидит безвылазно у себя в каюте, либо проводит время на камбузе за потрясающе романтичным делом – мытьем посуды. Странно, что маленький рыболовный сейнер идет в район лова уже два дня, и не факт, что вскоре дойдет. Если посчитать обратный путь, то непосредственно на сам лов рыбы остается совсем мало времени. Марина вышла из каюты и направилась в рубку, чтобы спросить у капитана, когда же они в конце концов начнут ловить рыбу. Когда ее рука уже взялась за ручку двери, чтобы открыть ее, из рубки донесся голос радиста:

– МРС-452 ведет лов в районе путины, небольшие проблемы с главной лебедкой, улов пока небольшой, сдавать на плавбазу нечего, конец связи.

Сеанс связи подтвердил Маринины догадки, что экипаж МРС-452 ведет нечестную игру. Тем более надо спросить капитана. Интересно, как он будет выкручиваться? Марина уже напрягла руку и начала движение вниз, как вдруг за дверью раздался голос капитана, а его слова заставили сердце Марины замереть на месте:

– До острова Круглый Нос осталось семь миль, там ссадим эту девчонку. Потом на Лысом забираем краболовки, ставим их, ловим рыбу, сдаем, чтобы правление заткнулось, вытаскиваем краба, перегружаем на японский сухогруз, он будет ждать нас в проливе, забираем девчонку и домой.

От страха ноги стали ватными, и вместо того чтобы отпу-

стить ручку двери, Марина оперлась на нее, и дверь открылась.

Как Марина ни сопротивлялась, против толпы мужиков поделаться ничего не смогла. Ее высадили ночью одну на каменистый остров посреди холодного северного моря. Оставили продуктов на четыре дня. А в качестве палатки надули спасательный плот. Четыре долгих дня она должна была провести одна на каменистом, продуваемом всеми ветрами необитаемом острове. Марина с ужасом смотрела на отплывающую от берега надувную лодку, с которой ее сбросили на этот клочок суши среди сурового Ледовитого океана. Когда лодка отошла уже метров на двадцать от берега, один из матросов крикнул: «Положи побольше камней в плот».

Марина смотрела на удаляющуюся лодку, на то, как ее поднимают на борт, на огоньки в иллюминаторах сейнера. Как хорошо было бы сейчас сидеть в теплой каюте, а не стоять здесь, на пронизывающем ветру, на холодных мокрых от морозящего дождя голых камнях. Да, Марина, вот это ты попала, хотела экстрима, получи его по полной программе. Думала, всего каких-то семь дней на маленьком корабlike. От таких мыслей Марина очнулась, только когда поняла, что огни сейнера уже скрылись из вида, а она все это время стояла и неподвижно смотрела на них, как будто оцепенев от ужаса. Но теперь, хочешь или не хочешь, придется обживать остров.

Продуктовый паек не отличался особым разнообразием

«блюды». На каждый день выходило по одной банке тушенки и банке перловой или рисовой каши с мясом. Причем из-за невозможности разжечь огонь все это придется есть холодным. Еще было по пакету сухарей, галетного печенья, карамели с повидлом и пятилитровая канистра питьевой воды. Еще тоскливее на фоне всей этой гастрономической нищеты выглядел старый погнутый консервный нож с замотанной изолентой ручкой, который благодетели великодушно оставили Марине. Таким она не пользовалась уже лет двадцать. Ее электрическая машинка известной немецкой фирмы открывает банку за несколько секунд. Но до этой машинки в данный момент несколько тысяч километров. Ну да ладно, была как-то Марина в компании, где банку рыбных консервов открывали с помощью гвоздя и камня. Правда, делали это тогда другие люди. А теперь почти тоже самое ей придется проделать самой. Но есть захочешь – куда денешься.

Сложив свой нехитрый скарб в плот, Марина решила пойти осмотреть остров, пока еще не до конца стемнело. Надо было узнать, нет ли каких соседей на этом клочке суши, чтобы их появление среди ночи не стало потом неприятным сюрпризом.

Осмотр острова не принес никаких неожиданностей. Обычная каменистая полоска суши километр в длину и метров сто пятьдесят в ширину. Над уровнем моря он возвышался не более, чем на один метр. Никакой растительности, а самое главное животных. Именно это больше тревожило

Марину. На такой чудесной суше не захотели поселиться даже моржи и тюлени. И она была рада, что робинзонить ей придется совершенно одной.

Пока Марина бродила по острову, окончательно стемнело. В августе полярный день уже заметно сдает свои позиции. Пронизывающий влажный морской ветер заставил побыстрее забраться в плот.

Нащупав в темноте свои съестные припасы, Марина осознала, что кушать абсолютно не хочется, нет настроения. Завернувшись в шерстяное одеяло, единственное благо цивилизации, заботливо брошенное в плот матросами, она постаралась быстрее заснуть, чтобы сократить свои мучения. Когда начала уже погружаться в полудрему, вспомнила слова матроса, брошенные с уплывающей лодки, о камнях, положенных в плот. Он, наверное, пошутил, намекая на мой малый вес, что, мол, меня может сдуть вместе с плотом. Со соседство в маленьком пространстве с ледяными камнями совсем не привлекало. Их надо еще и найти в кромешной тьме. Марина попыталась вспомнить, где она видела камни, пока было еще светло. Точнее, камни были везде, но такого размера, чтобы их реально было поднять, были метрах в трехстах от плота, а их еще требовалось дотащить и не переломать себе ноги в темноте. Прикинув, засыпая, что сама она весит без малого шестьдесят килограмм, плюс вещи, одеяло и провиант, да и вес самого плота, Марина, не сильно тревожась, сладко заснула. Да куда он денется этот плот. Ветер-то

не сильный даже.

Сильная боль в виске заставила проснуться. Острая кромка консервной банки даже через сумку оставила вмятину на коже. Но самый сильный шок возник через секунду после открытия глаз, когда Марина осознала, что она плывет. И это было не просто плавное передвижение, скольжение по воде, это было бешеное подпрыгивание на волнах.

Верхняя часть плота была сделана из желтой прорезиненной ткани. Она пропускала свет, и Марине удалось разглядеть брезентовые ручки-петли, ухватившись за которые, она смогла хотя бы сесть на одном месте, а не летать по всему плоту вместе с сумкой. Сумка, правда, осталась в свободном полете и тут же больно ударила Марину в бедро всеми своими железными банками. Усмирить ее удалось, только накинув сверху на нее обе ноги.

Только теперь Марина смогла оценить ситуацию, в которой оказалась. Раз внутри плота можно различать предметы, значит, на улице уже светло, как минимум утро. Можно было посмотреть на часы, но отпускать руку от брезентовой петли совсем не хотелось, кто знает, сколько потом придется ее ловить. Значит, ночью или, скорее всего, к утру плот все-таки смыло или сдуло, а скорее всего и то и другое вместе поспособствовало тому, что Марина теперь в этой матерчатой скорлупе отдана на волю ветра и волн. Значит, прав был тот матрос, советовавший положить в плот больше камней.

Зря, зря не послушалась.

Капитан сидел у себя в каюте и курил. Дешевые сигареты без фильтра наполнили маленькое помещение таким густым дымом, что человек, не привыкший к таким испытаниям своих легких, давно бы уже задохнулся, но Константин Пантелеймонович чувствовал себя в такой среде как рыба в чистой прозрачной воде.

Через полчаса сейнер пойдет по обратному кругу вынимать снасти. Никакого секрета в сплоченности и неворчливости экипажа не было. Богатый жизненный опыт и огромная география работы капитана позволяли жить безбедно, не выполняя даже наполовину план по вылову рыбы. Не так давно в фауне северных морей стало происходить некоторое событие, которое для подавляющего большинства населения нашей страны не имело ровным счетом никакого значения. Но оно не могло ускользнуть от бдительного ока капитана, десятилетия прослужившего на промысловых судах. Дело в том, что с недавних пор в северных морях появился Камчатский краб. Видимо, занесенный сюда судами с Дальнего Востока, он прижился, стал себя неплохо чувствовать и начал размножаться. Константин Пантелеймонович быстро смекнул, чем это может пахнуть. А пахнуть это может хорошими деньгами. Но вот как превратить краба в деньги там, где его на деньги никто не обменивает? Артель на это не пойдет. Во-первых, краба еще слишком мало для промышлен-

ного лова. А во-вторых, нынешнее руководство артели уже никогда не согласится ни на какие новации. И тут Константин Пантелеймонович вспомнил о своих старых знакомых: корейцах, китайцах и японцах. Периодически суда из этих стран все же появлялись в здешних широтах. И тогда, чтобы наладить контакт с их экипажами, капитан маленького сейнера с большими амбициями и авантюрным характером пошел на хитрость. Причем хитрость эту он проделывал уже не один раз. Завидев пароход с нужным ему флагом, команда сейнера разыгрывала спектакль, будто они терпят бедствие. После того как им была оказана «помощь», капитаны общались между собой и заключали «контракт» на будущее. Капитан торгового судна предупреждал о приходе в наши моря, сейнер к этому времени шел в район путины. Заходили на маленький остров, где были припрятаны ловушки для краба. Выходили на лов. Потом в море, где-нибудь за мысом, перегружали товар, расчет, и счастливый экипаж на всех парах несется к родным берегам, попутно черпнув рыбы для проформы.

Так было и на этот раз. Сейчас вытащим ловушки, сдаем краба японцам и домой. Только вот все чуть не сорвалось из-за этой чертовой журналистки. Надо зайти на остров забрать ее. Как она там? В груди у сурового капитана что-то шевельнулось. Вспомнил дочь, оставленную много лет назад в Астрахани. С ее матерью он даже не расписался. Уехал от них, когда она уже стала называть его папой. А ведь ей сейчас

должно быть столько же лет, сколько этой московской фифе. Хотя молодец девчонка, не побоялась приехать в захолустье, в компании далеко не интеллигентных мужиков на утлом суденышке выйти в суровое студеное море – есть в ней стержень, есть характер. Да и когда ссаживали ее одну в ночь на необитаемом острове, не визжала, не истерила, ни о чем не просила. Молодец девчонка! Заберем ее с острова – в ноги упаду, прощения просить буду.

Марину уже два раза вырвало. Болтало так, что, казалось, мозги вылетят и размажутся по внутренней поверхности плота, как размазалась по ним съеденная вечером банка тушенки. Страшно кружилась голова. От усталости и ужасного состояния руки ослабли и уже еле держались за поручни. Марина поняла, что теряет сознание.

Сергей сидел за кухонным столом и мазал маслом хрустящий горячий тост из французского багета. Масло быстро таяло, пропитывая поджаренную золотистую корочку. Аромат кофе приглашал быстрее приступить к завтраку.

«Интересно, где сейчас Маринка? Чем занимается? Такое утро! Мы так редко видимся по утрам».

Марина открыла глаза. Шум моря был где-то совсем рядом, но плот не качало. Выбралась наружу. Соленый морской ветер до отказа наполнил легкие, еле выдохнула. Доползла до маленькой лужицы в расщелине между камнями. Умылась, прополоскала рот. Вода холодная, соленая, набрызганная сюда волнами. Боже, как же хорошо на земле!

Но радость от неожиданного чудесного спасения сменилась тревогой. Куда волны выбросили плот? Это остров или большая земля? Есть поблизости люди, ходят ли корабли? Марина захотела сразу получить ответ хоть на один из этих вопросов, решив обойти окрестности. Но как только она встала в вертикальное положение, голова сразу закружилась, а через пару шагов подкосились ноги. Надо поесть. Возможно, в скором будущем ей придется умереть с голоду на этих камнях, но сейчас надо набраться сил и искать пути к спасению.

Задержав дыхание, нашла в плоту сумку с продуктами. Сначала глотнула воды. Подождала минуты три. Обратно вроде не полезла, значит можно кушать. Открыла кое-как старинным консервным ключом банку перловой каши с говядиной. В неразогретом виде она очень похожа на парафин и по виду и по консистенции. Ковырнула ложку каши и положила на язык – божественно! Показалось, что вкуснее этой перловки нет ничего на свете. От удовольствия аж глаза закрыла. И в этот момент услышала за спиной голос.

– Приятного аппетита, деточка!

Каша вылетела изо рта на камни. Марина вскочила на обессилевших ногах как ужаленная и, повернувшись, увидела перед собой старичка лет девяносто на вид. Маленький, сухой, аккуратно одетый, с тростью в руке.

– Здравствуйте, – еле проговорила Марина.

– Здравствуй, деточка! Очень рад тебя видеть, – ответил

старик.

Марина стояла с открытым ртом и ошарашенно смотрела на неожиданного гостя. Первоначальный страх в душе сменился радостью – если рядом есть люди, значит она спасена. Но оставался привкус тревоги и недоверия. Недоверия к себе. Может, это просто видение помутившегося сознания, пограничное состояние между явью и сном. В таком месте ожидало было увидеть рыбака в засаленной робе или полярника в комбинезоне и огромных ботинках, но никак не щегольски одетого древнего благообразного старичка. Идеально посаженная шляпа, длинное, почти до пят, пальто, из-под которого выглядывали начищенные до блеска ботинки – все это сильно контрастировало с окружающим пейзажем, так же, как каблуки, сумка и парфюм Марины тогда на причале.

– Здравствуйте, – еще раз смогла выдавить из себя Марина. – Рада видеть живого человека среди этих камней и моря.

– Вы не сильно похожи на Робинзона, деточка. Давно путешествуете в наших краях? – с нескрываемым интересом спросил старичок.

– Вообще-то нет, но уже успела соскучиться по людям, – все еще с недоверием к себе ответила Марина. Ей до сих пор казалось, что она разговаривает сама с собой.

– Что ж, я тоже успел соскучиться по живым людям. Пойдемте, я напою вас чаем, – вновь прозвучал голос пожилого собеседника.

Старичок протянул Марине сухую костлявую руку, при-

глашая пойти за ним. Чтобы развеять свои сомнения, она решительно сделала шаг вперед и вложила свою ладонь в его. Сомнений не было – это живой человек.

Остров, на который выбросило плот, был совсем не такой плоской каменной грядой, с которой Марина начала свое плавание. Пройдя буквально метров пятьдесят вдоль сплошной гранитной стены, они со стариком свернули в расщелину между огромными валунами и, пройдя метров пятнадцать, вышли на ровную плоскую поляну, на которой возвышался красивый двухэтажный дом. Картина была довольно сюрреалистичной. Старые обшарпанные домики в рыбацком поселке не шли ни в какое сравнение с этим домом из красного кирпича, крышей из металлочерепицы и пластиковыми окнами. Кирпич, правда, был уже довольно старым, видимо, дом просто недавно ремонтировали. Но доставить сюда столько стройматериалов и мастеров можно только большим судном. Кто же тогда этот старик? С такими мыслями Марина вошла в дом.

Внутри было прохладно.

– Сейчас я закрою окна, деточка. Видишь ли, в жилищах одиноких стариков всегда есть определенный запах. Видимо, именно так и пахнет старость. Я пытаюсь его выветрить, чтобы смерть не пришла на запах старины. Так еще не хочется умирать.

Марина поймала себя на мысли, что этой ночью она неистово боролась за свою жизнь, она, молодая успешная

женщина с планами и амбициями на будущее. Но даже этот давно уже дряхлый старичок так усердно еще цепляется за жизнь. Да, видимо, жить хочется в любом возрасте.

Марина вошла в гостиную. Чисто, аккуратно, уютно. Камин, кресло, диван. Непривычно отсутствие телевизора. И если с телевизором все понятно, он здесь не имеет никакого прикладного значения, был бы просто деталью интерьера, то вот полное отсутствие книг, статуэток и особенно фотографий, которыми обычно так плотно заставлены шкафы и комоды пожилых людей, вызывало удивление. Почему одинокий человек, оторванный от остального мира, вдруг оторвал себя от своего прошлого. Марине, как психологу, стало это невероятно интересно. Сейчас, когда она практически уже пришла в себя от пережитого ночью, когда сознание к ней вернулось окончательно, она поймала себя на мысли, раз ей не удалось собрать интересный материал про жизнь тесного человеческого сообщества в экстремальных условиях, возможно, судьба подбросит ей интересный материал о противоположном – одинокой отшельнической жизни в суровых условиях.

– Проходите на кухню, – послышался голос старичка. Марина, прервав осмотр гостиной и свои мысли, поспешила на голос.

– Пирожками не побалую, печь не умею. Довольствуемся тем, что привозят, – произнес хозяин дома, махом руки приглашая Марину к столу.

– А кто привозит? – спросила Марина.

– Завтра они прилетят, скорее всего, о вас уже знают, – ответил старик.

– Пограничники, что ли?

– В каком-то роде да.

Марина села за стол. От большого фарфорового заварочного чайника веяло теплом даже на расстоянии. На столе были сухари, галетное печенье, клубничное и вишневое варенье.

– У вас как в деревне у дедушки чаепитие, – предвкушая гастрономическое удовольствие, произнесла Марина.

– А я и есть давно дедушка, только вот внуков у меня нет, – еле слышно, особенно концовку фразы, сказал старичок.

– А почему внуков нет?

– Жена моя рано погибла, детей завести не успели. Ну а нет детей, нет и внуков.

– А как она погибла?

– Расстреляли ее.

Разговора пока не получалось. Старичок явно не промах.

Горячий чай обжигал губы. Марина молча отхлебывала маленькие глотки. Но даже такими маленькими порциями теплота несла комфорт и расслабление внутрь тела. Последние два дня и снаружи и внутри был только холод. И сейчас, уплетая сухари с вареньем, запивая горячим чаем, Марина испытывала блаженство. Идиллию портил только запах

рвотных масс от одежды. Но окружающее тепло и сытость делали свое дело – страшно потянуло в сон.

– Поспи, деточка, отдохни, теперь ты в полной безопасности, – последнее, что услышала Марина перед тем, как провалиться в негу.

Проснулась она в семь часов вечера на диване в гостиной, заботливо укрытая пледом. Голова уже не болела. Последствия качки прошли. Старичка не было видно, даже и не слышно. Села и еще раз оглядела комнату. Жилище одинокого человека. Ничего интересного. Видимо, этой комнатой обитатель дома вообще не пользуется, она проходная, не уютная. На первом этаже только эта комната, кухня, санузел и кладовая. Из прихожей на второй этаж вела лестница. Марина поднялась наверх. Она стояла перед двумя дверьми, выбирая, в какую постучать первым делом. Выбрав вариант справа налево, постучала в дверь. Никто не ответил. Аккуратно надавила на ручку, сердце в груди яростно заколотилось. Приоткрыв дверь, увидела полоску пустой кровати.

– Вы здесь? – осторожно спросила Марина.

Ответа не последовало. Полностью открыв дверь, Марина увидела обычную чисто прибранную комнату, похожую на гостиничный номер. Значит, старик спит в другой комнате. Зачем тогда одинокому человеку нужна еще и гостевая комната. Вероятно, кто-то его посещает здесь и остается ночевать.

Марина подошла к другой двери. Сердце заколотилось

еще яростнее. На стук никто не ответил. Взялась за ручку, здесь точно должно быть что-то интересное.

Капитан поднялся на мостик. Сумерки уже надавили сверху на море, отчего волны стали казаться более спокойными и пологими, будто тяжесть темноты была непосильна для них.

– Иди отдохни, – бросил он вахтенному матросу. – Я сам постою за штурвалом.

Оставшись наедине с судном и морем, капитан опять погружился в тяжелые раздумья.

Краба сегодня, на удивление, было много. Почти все лоушки были забиты до отказа. Причем практически весь товарный. Японцы были очень довольны. И экипаж доволен, с хорошим заработком возвращаются домой мужики. Надо будет дочери денег отослать. Может, там уже внуки есть? Столько лет не виделись.

Мать ее была приемосдатчицей на рыбном складе. Константин Пантелеймонович, будучи тогда старшим помощником капитана, частенько захаживал туда по работе. Так и закрутился у них роман. Рейсы на Каспии были не длинные, виделись часто. Светлана начала уже подумывать о замужестве. А когда будущий капитан стал с этим тянуть, поспешила забеременеть. Жить стали гражданским браком. Молодой папаша все обещал узаконить отношения, но далее так и сбежал, не выполнив своих обещаний. Потом с разных кон-

цов страны высылал иногда деньги. Светлана так и не подала на алименты. Вырастила дочь сама.

Константин Пантелеймонович пытался не вспоминать этот период своей жизни, дабы не бередить себе сердце. И с новой женой, единственной своей законной супругой, общался заведомо грубо. То ли ее от себя отдалял, то ли себя от нее. Она не могла родить. А он подсознательно винил себя. Одного дитя бросил, позорно сбежав, вот Бог и не дал больше деток. Даже кошка, тварь неразумная, ни разу не окотившись в жизни своей, с ума сходит. Бабе совсем тяжело с таким грузом жить. Сам не понимал, почему жена так покорно сносит все его издевательства. Красивая баба, пусть не молода, но даже в их маленьком поселке наверняка могла себе мужика отыскать. Они-то на нее заглядываются. А она уцепилась за него. И не красавец вроде, и не богат. Может, себя корит за бездетность и не видит смысла в другой семье. Все равно настоящего бабьего счастья испытать уже не получится. Вот и терпит от него все. Какая уж тут разница.

И такая жалость сердце капитана пронзила, такая обида на самого себя, что аж слеза брызнула из, казалось, высушенного всеми морскими ветрами глаза. И тонкой горячей струйкой убежала к жестким прокуренным усам.

Смахнув скупую слезу, Константин Пантелеймонович крикнул мотористу в машинное отделение прибавить ходу. Надо быстрее забирать девчонку. Одна, посреди моря, без огня и теплой одежды. Да, совсем ты из ума выжил, старик.

Не дай Бог, если и над твоим дитем вот так какой-нибудь старый идиот измывается. Капитан посмотрел на приборы. До острова оставалось девяносто миль. Запросил по радиосвязи погоду в районе острова. Оттуда шел шторм. Резкие встречные порывы ветра уже стали поднимать волну.

– Скоро дочка, скоро.

Ручка поддалась вниз. Сердце в груди заколотилось так, как будто сейчас выпрыгнет и поскачет по коридору, как выпущенный на свободу заяц. Марина толкнула дверь. В этот момент внизу хлопнула дверь, и через несколько секунд на лестнице послышались короткие семенящие шаги. Через мгновение, успев бросить внутрь комнаты один только взгляд, Марина прикрыла дверь и отступила на шаг назад. В этот момент на лестнице показалась голова старика.

– Ты, наверное, меня искала? – с пронзительным взглядом спросил старик.

– Да, я проснулась, вас нет. Решила поискать по дому, – стараясь не допустить дрожи в голосе, ответила Марина.

– Пойдем, деточка, вниз, перекусим. Остров снабжает меня натуральными, диетическими, экологически чистыми продуктами, – сказал старичок, развернувшись на лестнице.

Пойдя за стариком, Марина спустилась вниз. У входной двери стояла небольшая корзина. В ней виднелись мидии, несколько не очень крупных крабов, яйца птиц, видимо, гнездящихся на этом острове, и две ленты бурых морских

водорослей.

Ужин был вкусным и полезным. Причем старичок достал к столу бутылочку великолепной настойки. Вкус ее не был похож ни на один известный Марине спиртной напиток. Но пилась она на удивление легко, несмотря на довольно высокую крепость. И Марина, обычно выпивавшая крепких спиртных напитков не более одного бокала или рюмки, на этот раз легко выпила полбутылки. Столько же выпил и старик, что выглядело довольно смело, учитывая его годы. Разговор стал более раскованным, и Марина решила воспользоваться этим, чтобы узнать о загадочном старике как можно больше. Но алкоголь давал о себе знать. Сознание туманилось все сильнее и сильнее. Не получалось сформулировать даже самый простой вопрос. Закружилась голова, и Марина прикрыла глаза руками, чтобы немного прийти в себя. «Надо собраться, взять себя в руки», – пульсировало в голове. Когда же она убрала руки, то аж вздрогнула от неожиданности. Казалось, что глаза ее находятся в двух колодцах и видят они сейчас через толстые стеклянные линзы. Все окружающие предметы выглядели расплывчато и в увеличенном виде. Марина потерла глаза руками, но ничего не изменилось. Взгляд был из глубины глазниц. Ощущение такое, что видишь напрямую мозгом, без глаз.

Старика не было видно. Марине теперь требовалось поворачивать голову, для того чтобы увидеть то, что находится по бокам. Повертев головой в обе стороны, наконец удалось

найти его. Когда старик попал в поле зрения, показалось, что выглядит он лет на сорок моложе. Моложавый подтянутый мужчина с армейской выправкой смотрел прямо в глаза. Мелькнула крамольная мысль, что старик подпоил каким-то снадобьем, чтобы соблазнить. Неужели срабатывает мужское правило: чем больше водки, тем красивее женщины. Только в обратном порядке. Но неожиданно теперь уже помолодевший старик решительным голосом стал задавать вопросы.

– Сколько тебе лет?

– Тридцать, – без запинки ответила Марина.

– Кем работаешь?

– Журналистка.

– Где?

– В журнале «Женщинам интересно».

– Кто тебя прислал сюда?

– Редакция. Вернее, я сама сюда приехала.

– На этот остров?

– Нет. На этот остров я попала случайно, после шторма.

Сюда меня вынесло море.

– Что ты знаешь обо мне?

– Ничего. Но очень интересно узнать о вас побольше.

– Зачем?

– Ну, может, напишу о вас в журнале, о вашей отшельнической жизни. Да и просто женское любопытство. Узнать о вас. Что у вас в комнате наверху, почему вы один живете

на этом острове, где ваши родные, почему в доме есть гостевая комната, кто и зачем к вам приезжает, – сыпала словами Марина, будто строчила из пулемета.

Марина не понимала, что она говорит. Зачем? Почему она начинает озвучивать все свои мысли. Но не могла остановиться, пересилить себя. Да это какая-то сыворотка правды. Она попыталась взять себя в руки, собрала всю волю в кулак, напряглась и поняла, что теряет сознание.

Крик. Страшный, леденящий, душераздирающий крик. Марина открыла глаза. По коже пробежал морозец. Казалось, что корень самого маленького волоска на теле – и тот пришел в движение. Села. И тут в серебряной полосе лунного света, залившего половину комнаты, увидела человека.

Онемев от страха, огромными выпученными глазами Марина смотрела на незваного ночного гостя. Он резко поднял руку, поднеся указательный палец к губам, призывая не кричать. Но это было излишне. От спазма гортани, диафрагмы, да и, казалось, паралича всего тела, Марина не могла произнести ни слова, даже мычания. И тут заговорил незнакомец:

– Не переживайте. Ему снимают сапоги. Вас это не должно пугать, вас это не коснется.

Говорил ночной гость по-русски, но с сильным немецким акцентом. Одежда его, насколько можно было разглядеть при свете луны, сильно напоминала арестантскую робу.

Первыми от страха отошли глаза. Марина осмотрела визитера с ног до головы. Глаза уже привыкли к полумраку,

и можно было видеть детали. Осунувшееся бледное лицо с заостренными чертами, светлые волосы. По внешности он вполне мог быть немцем. «Да он и есть немец, – мелькнуло в голове. – Он и говорил со мной с сильным немецким акцентом». Опустив взгляд вниз, Марина с отвращением заметила, как по грубым, с толстой подошвой рабочим ботинкам незнакомца стекала какая-то жидкость. В полумраке она выглядела черной, но по консистенции и блеску в лунном свете очень напоминала кровь. Это кровь! Ком тошноты подкатил к горлу. Марине захотелось, чтобы все это был сон, чтобы этот непонятный, пугающий человек ушел. Она отвела взгляд в сторону. Шкаф с книгами, телевизор, ваза на тумбочке. Стоп. Вроде гостевая комната, в которую она заглядывала накануне. Но телевизора не было, это точно. Шкаф был, но без книг. Комната вроде бы та, но как-то все по-другому. Повернулась к незнакомцу. Его нет. «Он что, мне приснился? Стоп! Я хотела, чтобы это все был сон, чтобы он ушел. Боже мой! Похоже, я действительно сплю». Марина встала с кровати. Переступила черное пятно на полу. В зеркале на стене увидела свое отражение. Ха, домашняя ночная рубашка, здесь, забавно. Узнала ее даже в полумраке. Ощущать себя в своем же сне становилось забавно.

Марина приоткрыла дверь в коридор. В комнате старика слышался гул голосов. Осторожно, на носочках она подошла к двери и прислушалась. Говорили на немецком, иногда проскакивали русские слова. Голосов было несколько. Значит,

таинственный ночной гость здесь явно не один. Голоса старика не было слышно. Он вообще там, интересно? Маленький пучок света, пробивающийся через замочную скважину, подсказал дальнейшие действия. Посреди комнаты на полу лежал старик. Над ним вокруг стояло пять человек. Одного Марина узнала сразу. Это был ее недавний гость. Остальные четверо были одеты точно так же, с суровыми, даже злыми лицами. Старик был без сознания. Он был без брюк. Ноги его до колен были окровавлены. Когда Марина увидела его впервые на берегу, он, как показалось, был в ботинках. Хотя в том ее состоянии можно было и перепутать. Больше она и внимания не обращала, во что он был обут. А сейчас с него сняли сапоги, и под ними такое месиво. Вновь ком тошноты стал подкатывать к горлу.

В этот момент один из гостей старика, с самым злым на вид лицом, резко перевел свой взгляд на дверь:

– Нас подслушивают.

И тут же все пятеро резко шагнули к двери. Марина в ужасе отпрянула от замочной скважины и рванулась в свою комнату. Двери в обеих комнатах открылись одновременно. Заскочив внутрь, она с ужасом обнаружила, что замка нет, дверь не запирается. В этот момент она отворилась, и в проеме показались пять искаженных злобой мужских лиц. Марина отбежала к шкафу, нащупала на тумбочке вазу и швырнула ее в толпу. Ваза пролетела сквозь них и разбилась где-то в глубине коридора. Призраки!

Пятеро мужчин вошли в комнату и стали полукругом медленно сжимать кольцо, оттесняя Марину к шкафу. «Это сон, это все сон. И раз я понимаю, что это сон, я могу управлять им». Мысли судорожно метались в черепной коробке, не находя выхода. В этот момент пять пар цепких рук впились пальцами в плечи, руки и горло. Марина истошно во все горло закричала. И... проснулась. Поперек кровати, в холодном поту, голова свешена вниз. Раздался стук в дверь, и мягкий, вкрадчивый голос старика аккуратно, спросил все ли в порядке. Как будто и не было того резкого, с металлическими нотками голоса, которым он накануне проводил допрос. Марина ответила, что все нормально, приснился страшный сон. Старичок за дверью усмехнулся, и через несколько секунд уже было слышно, как хлопнула дверь в его комнате.

Марина села на кровати. Провела рукой по лбу. Противный липкий пот слепил пальцы, словно мед. Будучи по образованию психологом, она знала о таком понятии – управляемый сон. Не раз читала о нем впечатления других людей. Люди тратили месяцы, а то и годы, чтобы овладеть такими практиками. А у нее получилось спонтанно. Видимо, зелье, которым старик подпоил ее вечером, стало катализатором к этому. А отсутствие какого-либо опыта в этом вопросе не дало возможности в полной мере управлять событиями, происходящими во сне. Но все происходившее там, в той действительности поразило. Марина все еще не могла отойти от потрясения и просто водила глазами по комнате. Да,

в действительности она немного не такая. Телевизора нет, как и тумбочки с вазой. Тумбочка есть, но она маленькая и стоит рядом с кроватью, а не рядом со шкафом. А в шкафу нет книг. Только большая раковина какого-то моллюска и статуэтка африканского «божка», нелепо, собственно, как и тропическая раковина, смотрящиеся здесь, в глубине арктических широт. Никакого лунного света нет и в помине. На часах полпятого утра. На улице уже рассвело. Но небо было полностью затянуто тучами. Слышен был шум прибоя. Волны с яростью накатывались на берег. Видимо, на море бушевал шторм. «Интересно, кто должен прилететь сегодня, и прилетит ли он в такую погоду? Где сейчас сейнер с капитаном Пантелеймоновичем? Заходили ли они на остров? Искали ли ее? Может, капитан был только рад, что она исчезла? Как там сейчас Сережа, чем занимается?» С этими вопросами в голове Марина откинулась на подушку и через минуту под мерный шум волн, разбивающихся о каменный берег, сладко уснула.

К острову подошли за полночь. Налетевший за полчаса до этого, как часто бывает в северных широтах, шквальный ветер поднял высокую волну. Подходить близко к берегу было опасно. Спускать шлюпку тоже. Рисковать несколькими жизнями ради одной было нельзя. Решили дождаться рассвета. Держались носом на волну. Может, к утру море успокоится. Ветер как налетел, так может и стихнуть. Маленький сейнер швыряло, как щепку. Экипажу не очень нравилась

такая стоянка. Но никто не высказывал своего недовольства. Никто не смел перечить капитану.

Утро не принесло никаких изменений погоды. Разве что стало светлее. Хотя из-за низко висящих свинцовых туч казалось, что сейчас сумерки. Капитан взял бинокль. Тревожно вглядывался в очертания острова. Почувствовал, как сердце стало учащенно колотиться в груди. Ну где же, где же эта тонкая фигурка в яркой курточке, где же плот? Обошли вокруг острова. Капитан еще и еще вглядывался в бинокль. Нет ее на острове. Неужели ночью плот сдуло с острова и его унесло в открытое море? А если плот сдуло, а ее в нем не было? Лежит сейчас где-нибудь между камней замерзшая, холодная. Может, ей срочная помощь требуется?

– Спустить шлюпку! – крикнул капитан.

– Пантелеймонович, одумайся. Людей погубишь, – голос старшего помощника звучал спокойно, но чувствовалась напряженность в нем.

Все знали крутой нрав своего капитана. Чтобы перечить ему, надо было самому иметь твердый стержень. Старший помощник не первый год был знаком с Константином Пантелеймоновичем. Не первый год уже они вместе бороздили здешние воды. Знал он, что ругаться с капитаном нельзя. В открытой схватке его не победить. Изойдетя в своей ярости, но от своего не отступитя. Спокойная же, размеренная, аргументированная речь старпома всегда действовала на капитана отрезвляюще.

– Не спустим шлюпку. О борт разобьет ее. А спустим, люди в нее не смогут спуститься. А если спустятся, до острова доплывут, на берег не высадутся. Ради одной жизни будем рисковать несколькими.

– Отставить шлюпку! Давай старпом, смотри карту, куда могло плот отнести, к какому берегу прибить, – покладистым тоном произнес Константин Пантелеймонович.

– Радист! Передай в правление – неисправен двигатель. Задерживаемся. Помощь не нужна. Справимся своими силами, – крикнул в радиорубку старший помощник.

Стук в дверь заставил вздрогнуть и проснуться. От неожиданности Марина подскочила и села на кровати, не понимая, что происходит. Но голос старика из-за двери вернул ее к реальности:

– Деточка, завтрак готов. Жду тебя внизу.

– Сейчас буду, – ответила Марина.

За дверью слышались шаркающие шаги старика. Странно, вчера он вроде так не шкрябал подошвами о пол. Хотя вчера я на это и внимания бы не обратила. Марина еще пару минут посидела на кровати, осмысливая свои сновидения. Потом подскочила, оделась и пошла умываться.

– Яичница остывает. Я сегодняшних яиц набрал. У меня все гнезда под контролем, – старичок говорил бодро и приветливо.

Марина никогда не ела яйца морских птиц и немного

с недоверием отнеслась к такому блюду. Но обижать хозяйку, пригласившего к столу, не хотелось. Пришлось попробовать, поймав себя на мысли, что закажи она в московском ресторане яйца гагары или чернокрылого поморника, вряд ли удалось бы это отпробовать.

– Я и не думала, что это так вкусно. Да и где я могла такое съесть, – произнесла Марина, с удовольствием уплетая яичницу.

– Пробуй, деточка, пробуй, в Москве тебе такого не подадут. Таких свежих тем более. А на обед я сварю суп из краба. Тоже свежего. Он еще сейчас живой, – сказал старичок, с умилением глядя на свою неожиданную гостью.

Марина доела яичницу. Запила прекрасным черным кофе с печеньем. Отметила про себя, что дедок, несмотря на свой возраст, знает толк в еде и напитках и прекрасно готовит. Может, он и живет долго, потому что питается свежими, экологически чистыми продуктами и дышит морским воздухом. Но вдруг Марина вспомнила ноги старика из своего ночного сна. Хорошо, что поела. Иначе аппетита больше не было бы. Правда, и сейчас комок тошноты подкатил к горлу. Это не ускользнуло от внимания старика.

– Что-то случилось, деточка? Не вкусно? – спросил он.

– Нет, что вы. Я просто много съела. Сейчас все пройдет, – ответила Марина, пытаясь справиться с неприятными ощущениями.

Она встала из-за стола, сделала два шага в сторону, раз-

вернулась и, опершись на кухонный шкаф, быстро спросила:

– Как вас зовут и сколько вам лет?

– Вот теперь, Марина, чувствую, что вы журналистка, – откинувшись на спинку дивана, размеренно произнес старик.

– Я не говорила вам, что я журналистка. И имени своего не называла, – пристально глядя в глаза своему новому знакомому, произнесла Марина. Показывая тем самым, что слова ее являются вопросом.

– Ну, как же, деточка? Видимо, вчера ты малость перебрала моей настоички, раз не помнишь ничего. У нас с тобой была очень обстоятельная беседа, ты много о себе рассказала, – загадочно улыбаясь, ответил старик.

Голос его был спокоен, речь размеренна. Боевой запал Марины резко спал. Она не знала, что ответить. Ведь она действительно ничего не помнит. Что она могла о себе рассказать? Что мог сделать с ней старик? Его голос и манера разговора сейчас были совсем не похожи на то, как он разговаривал раньше. Марине казалось, что она уже слышала это, но где, как, при каких обстоятельствах, вспомнить не могла. Да и какие обстоятельства, она же здесь всего второй день.

– Меня зовут Федор Алексеевич, – прервав паузу, произнес старик. В голосе его появились бархатистые нотки, а взгляд стал пронзительным и похотливым. Марина смотрела на него, как загипнотизированный кролик на удава. – А вот сколько мне лет, попробуй определить сама. Посмотри

внимательно мне в глаза.

Марина неотрывно смотрела на старика, но это был не тот старик. Перед ней сидел мужчина лет 40—45, приятной наружности. Он смотрел на нее с такой любовью и теплотой, что Марине захотелось, как маленькому ребенку, броситься в его объятия, как в объятия отца, рассказать ему самые сокровенные свои детские тайны и желания. Ей было тепло, уютно и безопасно под его взором. И вдруг он отвернулся.

Падая, Марина больно ударилась затылком о край кухонного шкафа. Как только «старик» отвернулся, ноги подкосились, и обмякшее тело буквально стекло вниз. В себя пришла, когда Федор Алексеевич, с трудом наклонившись к ней, пытался привести ее в чувства и безуспешно старался поднять. Сев на пол, Марина уперлась взглядом в ноги старика. Ничего необычного. Чистые шерстяные брюки, войлочные домашние тапочки, такие часто носят пожилые люди. Нигде ни капли крови. Да и не хромал он вовсе. С такими ранами, которые она видела во сне, человек вообще не смог бы ходить.

«Федор Алексеевич», – как табличка, висело в голове. Марина сидела ошарашенная. Ощущение было, как будто ударили чем-то тяжелым по голове. И только два слова пульсировали в черепной коробке – «Федор Алексеевич»!

– Ну, деточка, так не пойдет. Так ведь и убиться можно. Береги себя. Садись, поговорим, раз уж тебе это так интересно, – прекратив тщетные попытки поднять свою гостью,

произнес старичок, присев на диван.

– Да, как-то не получаются у нас с вами разговоры. Не пускаете вы меня в свои тайны, – сказала Марина, потирая виски.

– Ну, тайны, деточка, должны быть у каждого человека. Даже самый открытый на вид человек – «рубаша парень» – в душе хранит несколько ключей от потаенных дверей. И впустить в эти двери он может очень узкий круг посетителей. И чаще всего человек, о котором, кажется, известно досконально все, вся его биография разложена крупинками по полочкам, уносит с собой в могилу такие тайны, что можно было бы мир перевернуть, – выдал философскую речь старик, глядя куда-то в одну точку на стене, поверх головы Марины.

– Я вас не знаю совершенно. Но смотрю, что вы уж точно унесете в свою могилу много интересного. Это я вас не знаю. Но вы не одинокий отшельник, Федор Алексеевич.

– Мне еще долго не дадут умереть. Я еще на этом свете не отмучился. А уж на том – страшно представить. Вот и складывается ситуация, что и жить страшно, а умирать еще страшнее.

– Вы узник на этом острове? – задала вопрос Марина.

– Эх, деточка. Если бы все было так просто. Уйти от людей мне не составляет никакого труда. Трудно уйти от себя, – с досадой ответил старик.

– Или от них!

– От кого «от них»?

– От тех, которые говорят по-немецки.

– Что ж, Марина, поздравляю вас со вступлением в клуб обреченных.

Сергей с нетерпением ждал звонка. Он второй день был в командировке. У него еще один день оставался. А Маринка должна уже была прийти из своего долбанного плавания и сегодня отбывать домой. Она, правда, по противности своей, никогда не брала обратные билеты заранее. Аргументируя тем, что это у вас, людей в погонах, должно быть все четко и по расписанию. А у нас, у журналистов, одна ниточка может потянуть другую и так далее. И никакие мысли о билетах, рейсах, самолетах не должны отвлекать от дела. Нельзя работу журналиста, творческую работу, подчинить графику или расписанию.

Сергея, привыкшего к порядку и четкости исполнения приказа или поручения, это всегда сильно раздражало. Марина могла уехать на три дня, а вернуться через неделю, переполненная впечатлениями. Потом засесть за компьютер и дни и ночи напролет эти впечатления облекать в читаемую форму. Еще и его порой заставляя все это читать. Вместо того чтобы побыть вместе, может, даже поговорить о их общем будущем. Последнее время Сергей все чаще ловил себя на мысли, что эта женщина ему по-настоящему дорога. И он не против даже связать себя с ней более плотными уза-

ми. Вот только сказать ей об этом он боялся. Боевой офицер с четырьмя правительственными наградами, полученными в спецоперациях, в любой момент готовый к выполнению опасного или как минимум ответственного задания, не может заставить себя взять и поговорить с любимой женщиной. Это тяготило. Но надо еще выбрать момент. Поймать его. Или ее. Вот сейчас, когда она будет дома? Сама она не позволила. Телефон у нее не отвечает. Пришел ли сейнер в порт? А вдруг ей очень понравилось и предложили еще какое-нибудь не менее увлекательное путешествие. Естественно, Марина не откажет себе в удовольствии поскитаться еще по морям в компании провонявших рыбой и дешевым табаком мужиков. Это ему она может отказать поехать в круиз по Средиземному или Балтийскому морю. А кучке морских бродяг в замызганных спецовках, предложивших поплыть на ближайший островок в трехстах милях от берега, посмотреть, как рожают детенышей моржихи, Марина не откажет никогда. И после этого она будет долго уверять, что невозможно было не сделать этого, не поплыть, такое можно увидеть раз в жизни. И пропустить такое невозможно. Блин! Когда же она повзрослеет? Когда остепенится? Может, когда сама родит детей? Да, но для этого ей надо выйти замуж. Короче, когда наконец-то мы с ней встретимся, надо делать предложение. Иначе эта женщина так и будет ускользать из рук, как морской песок в набегающей волне. Да и родители уже давно ждут внуков. Отец, кадровый военный, мать, профессор

медицины, души не чают в единственном сыне. Все для него. Любая девчонка руками и ногами вцепилась бы в такую партию. Но Марина – это далеко не любая девчонка. Ее таким не возьмешь. Самодостаточный и самостоятельный человек, имеющий на все свою твердую точку зрения, с серьезным багажом жизненного опыта. Такие, как правило, «дрессировке» не поддаются. Приручить ее не просто, но выхода нет. Действовать надо решительно и быстро. Сергей взял сотовый телефон, еще раз набрал номер Марины, послушал длинные гудки и выключил его на словах оператора о недоступности абонента. Встал с решительным видом и со словами: «Что ж,ждемся, когда этот абонент будет в зоне нашей досягаемости», – отправился выполнять свои должностные обязанности.

Звонок из органов всполошил все правление. Сказали, что Москва интересуется, пришел ли сейнер с журналисткой в порт. Притом что пришедшая накануне радиограмма была вполне ожидаема. Вечно у этого Пантелеймоновича что-нибудь случается. Но теперь решили снять журналистку с борта проходящим судном. Радировали об этом на 452, но капитан начал юлить. Правление замерло в страхе.

Шторм не стихал. Это очень сильно осложняло поиски. Весь экипаж стоял по обоим бортам сейнера, напряженно вглядываясь в резвящееся крутой волной море. Заметить в таких условиях плот с борта маленького судна – дело чрезвычайно сложное. Волны еще не перекатывались через па-

лубу, но брызги накрывали всех находящихся на ней плотным серебристым ковром. Только непромокаемые рыбацкие комбинезоны позволяли экипажу держаться. По два человека спускались вниз, покушать горячей пищи, и опять на палубу.

Капитан, пожалуй, первый раз в своей жизни был близок к отчаянию. Возможности сейнера не безграничны. Чтобы охватить больше пространства для поиска, приходилось часто менять курс, идти кругами или зигзагами. Подставляя волнам борта, рисковали перевернуться. Да и люди устали уже. Никто не роптал вслух. Но капитан прекрасно понимал, что не получится продержат весь экипаж на палубе до вечера. А сумерки сегодня начнутся рано. Из-за низко висящих туч даже в обед было темновато. Поверхность моря просматривалась очень плохо.

«Что делать? Спросить по радиии в правлении, не подобрал ли плот какой-нибудь из наших сейнеров или других судов. Если подобрали, придется, конечно, сразу объясняться. А вот если девочка еще в море, тогда действия начальства могут быть непредсказуемыми, а последствия очень далеко идущими. Подождем немного. Время еще есть». Но раздумья капитана прервал радист:

– Радиограмма из правления, капитан! Запрашивают координаты. Интересуются, есть ли возможность пересадить журналистку на другой борт. Что отвечать, капитан?

– Телеграфируй, что течение относит на восток, пыта-

емся определить точные координаты, позже сами выйдем на связь, – не отрывая глаз от бушующего моря, сказал Константин Пантелеймонович.

– Капитан, мы же на запад идем? – возразил радист.

– Делай, что тебе говорят. И помалкивай.

– Но!

– Не нокай! Все равно мне отвечать. С тебя взятки гладки. Делай свое дело, – опять рявкнул капитан.

Радист ушел. Капитан продолжал всматриваться в бушующее море. Плот! Плот! Плот! Где же ты? Долго с правлением юлить не получится. Другие суда запеленгуют. Так много времени не выиграешь. Скорее всего, счет уже идет на минуты.

– Капитан, впереди остров Гремучий. – Слова старпома заставили вздрогнуть.

– Возьми бинокль, глянь, если плота нет на берегу, идем дальше. Его могло вынести только на этот берег. Остров большой, но плот она вряд ли утащила бы вглубь. Если нет на берегу, проходим, – дал указание Пантелеймонович.

– Может, обойдем остров? Мало ли, – попробовал сузить круг поиска старший помощник.

– Вероятность в море на неуправляемом плоту попасть на небольшой остров есть, но она ничтожна. Если нет на берегу, проходим. Нельзя терять ни минуты. Плот явно дрейфовал или дрейфует в этом районе, – был категоричен капитан.

Слова старика про клуб обреченных прозвучали не очень оптимистично. Совсем не весело услышать такое, находясь на затерянном в океане острове в компании странного пожилого человека, к которому по ночам приходят призраки. Хотя Марина толком не уверена была, что это призраки. Все это ей, в конце концов, приснилось. Но тогда откуда старик узнал о ее сне, раз так отреагировал на ее слова? Да и на что обречена? Остаться на этом острове, видеть постоянно такие сны? Но тревога в душе очень быстро замещалась невероятным любопытством, поглощавшим мозг. Марина поняла, что эту тайну она должна раскрыть во что бы то ни стало.

Старик пошел на прогулку, перед тем как начать готовить обед. Марина сидела на диване в большой комнате внизу и переваривала услышанное. Дед обещал, что сегодня прилетит вертолет. Скорее всего прилетит. С одной стороны, ей хотелось как можно быстрее покинуть этот остров и вернуться в цивилизованный мир. С другой, профессиональное любопытство начинало брать верх над обычными человеческими слабостями. Вопрос в том, кто может дать разрешение остаться, если она этого захочет? Кто здесь главный, кто управляет процессом, дед или те, кто прилетит? Да и как объяснить причину, по которой захотелось остаться? А как потом выбраться отсюда? Погода сейчас не очень летная. Может, никто и не прилетит сегодня? Так бы все само собой решилось.

В комнате стало прохладно. Марина пересела в кресло, ближе к камину. Подбросила дров в огонь. Это были специальные брикеты для каминов. Надо же, те, кто снабжает это жилище одинокого отшельника, денег особо не считают. Кто они? Вопросов становилось все больше. Получить ответы на них было все интереснее. Если сейчас улететь в Москву, то каким образом можно разгадать все эти тайны? Если хозяйничают здесь спецслужбы или замешаны любые другие государственные структуры, то это, естественно, тайны за семью печатями. Если какие-то частные структуры, то добыть любую информацию будет не менее сложно. Единственный человек, который может помочь в такой ситуации, – это Сергей. Только вот вопрос в том, захочет ли он? И сможет ли? Ну, во всяком случае, хоть какую-то информацию добыть сможет при желании. Если его, конечно, хорошо попросить. На крайний случай можно поставить ему ультиматум. Хотя какие ультиматумы. Пора бы семью создавать.

Марина вспомнила Сергея не с практической, утилитарной точки зрения, как минуту назад, а с домашней, уютной, такой родной стороны. Сердце защемило. На душе стало так тоскливо. Где он сейчас, чем занимается? Ей так захотелось его заботы, его переживания за нее. Так захотелось его увидеть, услышать голос. Может, действительно пора остановиться, остепениться, начать жизнь обычной замужней женщины? Ну, если Сережа, конечно, возьмет ее в жены. Хотя в этом Марина практически не сомневалась. И тут же

поймала себя на мысли, а не слишком ли она самоуверенная. Не слишком ли потребительски и высокомерно относится к любимому мужчине? Эх, был бы с собой телефон. Хотя на этих просторах он был бы бесполезной игрушкой. Но все же капитан приказал оставить его на сейнере. Боялся, наверно, что какая-нибудь шальная волна сотовой связи долетит до острова и расстроит все его планы. Но тут Марину озарила мысль: скорее всего, у старика есть связь с большой землей. Вряд ли пожилого человека одного бросили посреди холодного моря без всякой надежды на помощь в случае каких-либо проблем со здоровьем или других непредвиденных обстоятельств. А так как его покровители люди явно небедные, скорее всего, для связи используется спутниковый телефон. И искать его надо, естественно, в комнате наверху.

Марина вышла на крыльцо. Старика не было видно. Но он мог появиться в любой момент, так как дом стоял в расщелине между двумя невысокими сопками, и остров не просматривался с этого места даже на четверть. Лезть на камни не хотелось. И Марина решила пойти на хитрость – замкнуть дверь изнутри. А когда старик вернется, сослаться на то, что испугалась находиться одна дома.

Перед дверью комнаты старика вновь бешено заколотилось сердце. На этот раз Марина подготовилась. Внутренние двери в доме были стандартные, как ставят в квартирах и офисах. Похожие стояли у них в редакции. Если кто-то забывал или терял ключ или по какой другой причине надо бы-

ло войти в закрытый кабинет, язычок замка поддевали ножом между дверью и косяком, и он послушно влезал внутрь. И теперь Марина, взяв на кухне большой нож, просунула его в щель.

Замок поддался. Дверь отворилась. Медленно, с осторожность вошла в комнату. Наличие такой хлипкой двери явно не располагало к хранению секретов. Возможно, внутри были какие-то ловушки. Осмотрела потолок и верх стен, видеоканал нигде не видно. Никаких нитей, растяжек тоже нет. В комнате старика было на удивление уютно. Справа стояла одноместная кровать, какие ставят в номерных комнатах дешевых гостиниц. Она была аккуратно застелена темным одеялом. За ней в углу небольшой комод. Слева почти во всю стену тянулся шкаф, на открытых полках которого стояли несколько книг. Все названия у них были на немецком языке. На некоторых рядом с названием виднелись замысловатые, непонятные знаки. Телефон должен быть или в шкафу, или в комод. Марина сделала шаг в сторону шкафа. Протянула руку. Постояла мгновение в таком положении. Ничего не происходит. Значит, можно попробовать открыть. Медленно открыла одну дверцу. Тишина. Быстро пробежалась по всем полкам. Ничего интересного. Всякая ерунда. Значит – комод. Марина заведомо оставила его на потом. Комод внешне уже привлекал к себе внимание. А теперь, после обследования шкафа, стало понятно, что если есть в этой комнате что-то интересное, то оно нахо-

дится в этом комодe. Сверху на нем стояли стаканы. Обычные граненые стаканы с налитой в них прозрачной жидкостью. На каждом сверху лежал засохший кусок черного хлеба. Марина подошла ближе. Бегло пересчитала стаканы – 27. Но они были поделены надвое. Справа стояло 18 стаканов, а слева 9. И на этих девяти, помимо хлеба, были маленькие горящие свечи. Каждая из них была в маленьком подсвечнике, которые втыкают в торт. Только эти были воткнуты в куски черного хлеба. Вот это тайна! Это настоящая тайна! У Марины, что называется, слюнки потекли. Внутри в выдвижных ящиках комода наверняка вместе с телефоном скрывается разгадка этого ритуального построения стаканов. Вероятнее всего, тут тоже понадобится нож, который Марина так и не выпускала из руки. Она решительно сделала шаг в сторону комода. И тут раздалась сирена. На спинке кровати предательски замигал фотоэлемент, направленный в сторону окна. Боже мой! Попасться на такой мякине.

Сирена была негромкой. Ее старик явно не услышал бы. Но у него, вероятнее всего, есть какой-нибудь пейджер, который дублирует это звук. Пришлось быстро ретироваться из комнаты, захлопнув за собой дверь, сбежать вниз, открыть входную дверь и, сев на диван в гостиной, ждать неприятнейшего разговора.

Проходя на траверзе остров Гремучий, взглянув на него, капитан на секунду засомневался – может, все-таки осмот-

реть. Тут и берег есть пологий с подветренной стороны, шлюпка пристать сможет. Так же и плот могло вынести на берег. Но это все потеря времени, в случае если девчонки на острове не окажется. А на берегу ничего и никого не видно. На плоту были сигнальные ракеты. Оказавшись на необитаемом острове, она непрестанно смотрела бы в море. И наверняка, едва завидев нас, сразу бы пустила ракету. Хотя вдруг девочка не разобралась с ракетницей? Вдруг выпустила все ракеты, пока дрейфовала в открытом море? Вдруг вообще лежит без сил или, еще хуже, без сознания, обессилевшая от качки, простуды или голода? Короче, этих «вдруг» может быть бесчисленное множество. А вот как из всего этого множества вариантов выбрать действительно верный? Вот это вот задача.

Сейнер прошел мимо острова. Впереди лежали сотни квадратных километров холодного темного моря. Искать здесь плот на маленьком суденышке равносильно поиску иголки в стоге сена одним человеком. Обычно в таких поисках принимают участие десятки судов, самолетов и вертолетов. Команда начинала ворчать все громче и громче. Экипаж склонялся к тому, что капитану пора уже признать свою ошибку, сообщить в правление, покаяться. Наверняка тогда забили бы тревогу, подключили бы к поискам МЧС, армию и все другие службы. Тем более что судьбой журналистки интересовались уже из Москвы. Если выяснится, что промедление в начале крупномасштабных поисков приведет к ее ги-

бели, то капитан, само собой, пойдет под суд, но и вся остальная команда пойдет туда же как соучастники. Весь экипаж либо участвовал в ее высадке на остров, либо не предотвратил это. Виноваты будут в любом случае: халатность, попустительство, оставление в опасности. Но пока никто не решился в открытую сказать обо всем этом капитану. Пытались воздействовать через старшего помощника. Но пока это не возымело никакого действия. Сейнер шел строго на запад, все дальше удаляясь от района лова.

Прошло несколько минут. Марина сидела неподвижно на диване, положив руки на колени, сама себе напоминая нашкодившую школьницу начальных классов. Старичок все не появлялся. Неужели у него нет никакого брелока сигнализации? А может, он не услышал сигнала из-за шума ветра и волн? Или в этот момент был на другом конце острова и сейчас шаркающей походкой спешит сюда.

«Интересно, а что он мне сможет предъявить? Устроит мне разнос за любопытство. Или опять загипнотизирует». После этой мысли, несмотря на внутреннюю браваду, холодок предательски пробежал по всему позвоночнику от самого копчика до затылка. А потом и пошевелил корнями волос на макушке.

– Да, старичок явно игрался со мной. Наверняка эти фокусы – это только малюсенькая верхушка того огромного айсберга, который он прячет в себе и, похоже, в том комод, до которого мне не удалось добраться. Мне обязательно надо

докопаться до истины. Я должна узнать все об этом старике. Я должна узнать его тайну, – вслух проговорила Марина.

В этот момент над крышей дома послышался громкий гул, секунду спустя разложившийся на отчетливое лязганье вертолетного винта.

Понятно. Старик увидел приближающийся вертолет и не стал заходить в дом. «Значит, – подумала Марина, – от объяснений с ним я буду избавлена. Хотя. Возможно, если бы разговор состоялся, он бы пролил хоть какой-то свет на стариковские тайны».

Распахнувшаяся входная дверь прервала размышления Марины. Первым вошел старик. За ним четверо крепких мужчин в темно-зеленой камуфлированной форме с автоматами наперевес. На лицах у них были черные пластиковые маски. Таких масок Марина не видела никогда. Обычно силовики пользуются черными вязаными шапками-масками с прорезями для глаз и рта. Бывает, что рот и нос закрыты, а только овальная прорезь на уровне глаз. У этих же пластмассовая маска закрывала все лицо полностью. Несколько круглых и продольных отверстий на уровне щек и бороды обеспечивали вентиляцию. Но при этом не видно было даже глаз. Да, видимо, это действительно какая-то элитная спецслужба. Их одежда и снаряжение явно отличали и выдавали их в этом плане. Одеты они были, что называется, с иголочки: новая выглаженная форма, начищенные до блеска ботинки. Оружие тоже сверкало ухоженностью.

– Соберитесь! – голос мужчины, сказавшего это, и его манера говорить не многим отличались от лязганья вертолетного винта.

Вероятно, он был старшим в группе. Хотя, на удивление, никаких знаков отличия на их форме не было.

Собирать Марине особенно было нечего. Она молча поднялась в комнату, где ночевала, забрала куртку и спустилась вниз. Там ее ждали трое. Человека, которого Марина считала старшим, и старика не было видно.

– Ну что, идем? – с вопросительным видом поглядев на троих сопровождаителей, произнесла Марина.

– Ждем указаний, – ответил один из них.

Марина вышла на улицу. Она думала, что старик со старшим вышли из дома, чтобы посеCRETничать, но, оглядевшись по сторонам, никого не заметила. Не могли же они уйти так далеко, что скрылись из виду только для того, чтобы поговорить. Марина вернулась в дом. В этот момент открылась дверь рядом с кухонной, которую она считала дверью в кладовую. Оттуда вышли старик со старшим. Но до того, как они успели закрыть за собой дверь, Марина заметила, что потолок за дверью уходит вниз. Значит, там была лестница, ведущая в подвал. Разочарованию не было предела. Она все время пыталась проникнуть в комнату к старику, а оказывается, возможно, самое интересное было совсем рядом, здесь. Хотя, может быть, там просто погреб для продуктов и ничего интересного в нем нет. Но этим Марина только успока-

ивала себя, пытаясь хоть немного сбить пламя своего журналистского любопытства, которое распалось все больше и больше. Первоначальный план задания редакции мало того что совсем расстроился, теперь само задание стало совершенно неинтересным. Новые обстоятельства так вскружили голову, что многое отошло на второй план. Теперь интересно было разгадать тайну одинокого старика, живущего отшельником на необитаемом острове в Ледовитом океане, которого при этом очень тесно опекает таинственная спецслужба. Только от осознания всего этого масштаба мурашки пробежали по всему телу.

Старик подошел к Марине, несколько секунд просто смотрел ей в глаза. Марину слегка передернуло от его пристального сурового взгляда. Но потом он мягко и вкрадчиво произнес:

– Прощай, деточка.

– Отчего же прощайте, Федор Алексеевич? Может, свидимся еще? – с надеждой спросила Марина.

– Да нет, деточка, мне нечего делать на большой земле, а тебе на этом острове, – был ответ старика.

– Я даже не успела вас поблагодарить за свое спасение, да и на острове мне понравилось, несмотря на то, что вы не всегда вели себя по-джентльменски, – сказала Марина, неотрывно глядя в глаза своего нового знакомого.

Старичок только ехидно усмехнулся в ответ на это замечание. Но потом добавил:

– Вы, Марина, для гостьи, однако, оказались чересчур любопытной.

– Я журналист, а вы сам и ваша жизнь здесь для любого журналиста стали бы как красная тряпка для быка или кусок мяса для акулы, – честно призналась Марина. Длинными ответами она будто старалась продлить свое пребывание на этом клочке суши, где оставалось столько загадок.

– Мы еще разберемся, каким образом журналист неожиданно оказался на этом острове, – громогласно пролязгал старший группы спецслужбы, да так, что Марина аж поморщилась от такой атаки на свою правую барабанную перепонку.

– Да, мое редакционное задание никак не было связано с этим островом, но судьба распорядилась иначе, – горделиво произнесла осмелевшая Марина. Раз ее сразу не скрутили, не уложили лицом в землю, не заковали в наручники и не ударили ни разу прикладом, значит, все не так уж плохо.

– Я думаю, мы встретимся с этой судьбой, давайте быстро в вертолет, – вновь послышался лязг.

– До свидания, Федор Алексеевич, до свидания! – крикнула, уже почти скрывшись за каменным утесом, Марина.

Старик в ответ лишь улыбнулся.

Гул вертолета был слышен все это время, но его самого не было видно. Шли до него минуты три по огромным валунам, покрытым лишайниками. Когда Марина увидела его, удивилась, как можно было посадить вертолет в такой узкой

расщелине между скал. Понятно, что пилот уже не в первый раз делал это. Но в любом случае это был суперас своего дела. А если учесть, какой сильный ветер дует, то его профессионализм действительно впечатляет.

Марине приходилось раньше летать на вертолете. Впечатления были не очень. Когда она узнала, что выбираться с острова придется на винтокрылой машине, стала с опаской ждать этого момента. Эта мысль маленьким неприятным червячком крутилась в голове все два дня ее пребывания на острове. А учитывая штормовую погоду, был и реальный страх. Но сейчас, увидев, в каком месте пилот «припарковал» летательный аппарат, на душе стало заметно легче.

Единственное, по какой причине было страшновато входить в вертолет, – это неизвестность, где будет посадка. Марина не исключала варианта, при котором в нескольких километрах от острова могут открыть дверь и «тактично» попросить ее выйти. А что, какой-то могущественной силе совершенно не нужен свидетель, который узнал о существовании того, чего знать не нужно. Да еще этот свидетель – журналист, что для него является явно отягчающим обстоятельством. И хотя старший группы говорил про то, что они еще разберутся, как она оказалась на острове, вариант «концы в воду, несчастный случай, нет человека – нет проблемы» был очень актуален. А Марину еще черт дернул трепаться о нежелании расставаться, о следующей встрече. Холодок вновь пробежал по позвоночнику быстрой тонкой змейкой.

Этот холодок был четко различим, даже несмотря на пронизывающий ветер с моря и вырывававшиеся из расщелины клубы ветра от винтов вертолета. Ну что ж, вариантов нет, игра расклад покажет.

Второй пилот помог забраться внутрь. Последний раз Марина летала на вертолете с газодобытчиками на промыслы в тундре. Надо сказать, вертолеты у специальных служб намного комфортнее, чем у людей той, не менее романтической профессии. Вместо обычных металлических скамеек вдоль бортов здесь были мягкие дерматиновые диваны. А впереди два ряда кресел, как в самолете, видимо, для руководящего состава. В конце салона, где на обычном, гражданском вертолете висела на цепочке запрещающая табличка, а за ней лежали лыжи, здесь была перегородка с дверью. Шумоизоляция вообще не шла ни в какое сравнение, шум двигателя слышался откуда-то издалека, в отличие от газпромовского вертолета, где казалось, что двигатель надели тебе на голову. И весь полет ты пытаешься утихомирить вибрацию в черепной коробке и молчишь. Говорить все равно бесполезно, тебя никто не услышит. А если и ответят, то ты будешь только читать по губам.

Марина села на диван по левому борту. Один из ее конвоиров сел тоже на этой стороне, но поодаль от нее. Двое других сели напротив. А старший, как Марина и предполагала, сел в самолетное кресло.

Вертолет легко и незаметно оторвался от земли и понесся

над морем. Порывы ветра изрядно болтали машину на взлете, но когда пошли по прямой, болтанка почти перестала чувствоваться. Марина повернулась к иллюминатору. Сверху остров казался вообще мизерным клочком суши посреди темно-синего моря. Как бы тогда выглядел отсюда островок, на который ее высадили рыбаки, если остров старика казался просто огромным после того. Вертолет сделал небольшой вираж, перевалившись на другой борт, видимо, чтобы идти по ветру. Марине стало видно одно небо. Она повернулась. Море виднелось в иллюминаторах на другом борту. Одинокий кораблик бороздил бескрайнюю ширь. «Похож на мой сейнер, – подумала Марина. – Сейчас бы я могла плыть к берегу, домой. И считала бы невероятным приключением свою робинзонаду на маленьком острове. Да, мои нынешние приключения более масштабны. И они еще не закончились. Статью в журнал, правда, писать особо не о чем. Хотя даже того материала о взаимоотношениях в экипаже сейнера, имея литературный талант и опыт, может хватить на целый роман. Поэтому о работе можно не переживать. А вот как добыть информацию о Федоре Алексеевиче? И Федор ли он Алексеевич? Сказать ведь можно что угодно. А как это проверить? Скорее всего, информация эта за семью печатями. Что ж, единственная надежда на „зайчика“ моего, на „котика“ моего – Сережу. Пускай реабилитируется за мои провалы. Никогда не поверю до конца, что он не причастен к моим неудачам в командировках. Пусть теперь старается».

Дельных мыслей больше не было, и Марина от скуки стала разглядывать бойцов напротив. В своих масках они казались как два близнеца. Все, что на них было надето, все было абсолютно одинаковым. Они были и ростом, и коренастым сложением идентичны. Даже грубо подстриженными ногтями. На руках у них были перчатки с открытыми фалангами пальцев. Марина скосила взгляд влево и посмотрела на руку третьего. О, это уже более отесанный солдафон. Даже более того, по его ухоженным наманикюренным ногтям можно было сказать, что слева от нее сидел галантный офицер. Такую версию Марина придумала сама, чтобы как-то развлечь себя в полете. Ее никто не трогал, даже как будто не замечали. Пока не хотелось думать о том, что будет, когда они прилетят. Хорошо если получится связаться с Сергеем. В правление артели в сейфе в пакете с паспортом и обратным билетом лежал второй сотовый телефон. Марина всегда носила с собой два телефона на случай, если в одном разрядится батарея или случайно исчезнут все контакты. И вот сейчас этот телефон будет очень кстати. Правда, если выпадет возможность его забрать. Тогда можно будет и на сейнер сходить, и забрать свои вещи и телефон, который там остался. Сейнер, наверное, уже в порту. Интересно, а как там Константин Пантелеймонович объяснил мое отсутствие на борту? Тут мозг Марины посетила неприятная мысль. Капитан мог сказать, что ее смыло за борт, что она погибла. И самое неприятное, что об этом могли узнать те люди, которые сей-

час сопровождают ее в вертолете. Для них это чрезвычайно удобно – нет человека, нет тела, исчезла, и все. Холодок вновь пробежал по спине. «Блин, что-то часто в этой поездке по мне холодок устраивает пробежки», – подумала про себя Марина.

Неожиданно двое конвоиров, сидевших напротив, встали и подошли к Марине. Один так ловко защелкнул наручники на руках за спиной, что Марина даже не успела понять, что происходит. Второй быстро накинул на голову черный мешок. Он был настолько непрозрачен, что, показалось, выключили свет. Но по таким действиям стало ясно, что сейчас вертолет совершит посадку.

Садилась винтокрылая машина стремительно. В животе ощущение было такое, что кишки, спеша и отталкивая друг друга, устремились через глотку наружу. Лопасты винтов еще не остановились, а Марину уже запихали в машину. Как только дверь захлопнулась, она тронулась. Ехали довольно долго. Дышать в мешке было очень тяжело. Наручники натерли руки. Но Марина предпочла потерпеть, чтобы показать, что у нее есть характер, она не напугана, и легко сломить ее не получится ни у кого. Машина остановилась. Наручники на запястьях расщелкнулись.

– Снимайте мешок, – послышался лязгающий голос.

После темного непрозрачного мешка даже полумрак фургона с наглухо затонированными окнами слепил глаза. Сидевший напротив мужчина с бородой и в темных очках про-

тянул Марине пакет.

– Здесь ваши вещи, документы, деньги и билет. Регистрация на рейс начнется через пять минут. Всего доброго. Прощайте. – После этих слов мужчина буквально вытолкнул Марину из машины, которая тут же тронулась.

Щурясь от яркого света, Марина направилась к дверям аэровокзала. Внутри зрение уже адаптировалось к освещению, и она легко нашла стойку регистрации. Хотелось быстрее уже сесть в самолет, чтобы не привлекать к себе внимания. Без косметики, с непонятной прической на голове, в несвежей, практически домашней одежде Марина напоминала девушку после двухдневного пикника. Ей казалось, что абсолютно все смотрят сейчас только на нее. Хотя, по большому счету, людям, спешащим по своим делам, было совершенно безразлично, кто как выглядит. А вот девушки на регистрации, действительно, внимательно изучали странную пассажирку, улетающую в Москву, у которой не было с собой даже маленькой дамской сумочки. В аэропорту редко встретишь человека, улетающего в другой город, у которого весь багаж – это паспорт, билет, телефон и ключи. Но причин не пустить странную пассажирку на рейс не было, и вскоре Марина заняла свое место в салоне самолета.

Радиограммы из правления требовали немедленно возвращаться в порт. Этого же теперь уже в открытую требовала команда. Но капитан, окончательно потеряв чувство реальности, проигнорировал даже предупреждения механика

об остатке минимального количества топлива для возвращения домой. И вот теперь судно, потеряв ход, дрейфовало по воле волн. Благо, ветер стих и не было опасности перевернуться, повернувшись бортом к волне. Капитан несколько часов не сходил с мостика. И даже сейчас продолжал неистово сжимать рукоятки штурвала. На все уговоры спуститься вниз, покушать, отдохнуть в каюте он никак не реагировал. Лишь невнятно что-то бормотал сквозь слезы, заливающие его глаза. Команда никогда еще не видела своего капитана в таком виде и находилась в некоторой растерянности. На сходке в кают-компании просили старшего помощника принять командование судном на себя, подать в правление сигнал бедствия, капитана пока отстранить от руководства. Но и старпом, да и команда в целом, понимали, что если капитан сейчас или чуть позже придет в себя, то им всем за самоуправство будет мало места. К тому же у руководства артели и так уже будет слишком много вопросов и по журналистке, и по промыслу. Единственным человеком, кто сможет уладить все эти вопросы, был Пантелеймоныч. Все это понимали. И команде никак нельзя было сбрасывать капитана со счетов.

Слезы произвольно, горячим потоком текли по щекам, застревая в усах, пропитывая каждую их волосинку. Константин Пантелеймонович уже машинально вглядывался в горизонт. Точнее, старался это делать. Но сейчас слезы мешали и так уже подсевшему от возраста и работы зрению раз-

личать что-либо в окружающем безбрежном пространстве. Только губы, не уставая, уже на протяжении полусуток твердили: «Прости меня, девонька, прости дурака старого». Иногда самому казалось, что сейчас забьется в истерике, как когда-то в глубоком детстве на руках у матери из-за пораненной коленки или поломанной игрушки. Взрослый, прожитый жизнью мужчина в этот момент ощущал себя беззащитным беспомощным младенцем. Поэтому слезы отчаяния, безысходности, глубокой вины, сожаления сейчас наполняли его просоленные морскими ветрами и прокуренные дешевыми табаками усы.

Моросивший мелкий дождь стекал по стеклам рубки, искажая и без того неясную картинку. И вдруг ярчайшая вспышка света встала стеной перед глазами капитана.

Марина подошла к двери. Позвонила в надежде, что Сергей дома и она сейчас бросится ему на шею, расцелует, почувствует его тепло и заботу. Но никто к двери не подошел. Открыла своим ключом. Хорошо, что он остался в сейфе правления артели. Первым делом в ванную, быстрее скинуть с себя грязную одежду, понежиться в пене и завернуться в свой любимый халат.

Выйдя из ванной, Марина сразу же побежала к кофемашине. Как она соскучилась по чашечке ароматного напитка. Непонятная бурда на сейнере, вкусный, но все же чай, у старика, самолет вообще не в счет. И вот теперь вдохнув запах

кофе, Марина по-настоящему расслабилась. Весь стресс, все напряжение последних дней забылись в эти секунды настоящего блаженства. Но после чашки живительной жидкости желудок предательски запросил чего-нибудь съестного. Открыла холодильник. Сырокопченая колбаса, икра, сыр. Понятно, чем питался милый, пока хозяйки не было дома. Хотя, поймала себя на мысли, этой хозяйки очень часто не бывает дома. И даже когда она никуда из Москвы не уезжает, дома появляется во столько, что готовить уже нет ни времени, ни желания. Поэтому ничего необычного из увиденного в холодильнике нет. Да, суп из краба, мидии с водорослями, яйца северных морских птиц. Все это, конечно, при желании и финансовых возможностях можно найти и в Москве. Но это никогда не сравнится с тем чувством, когда поедаетшь все это буквально в пяти метрах от кромки моря, ощущая себя частью того процесса, которым живет природа. Не рафинированной столичностью, а первобытностью. А ведь здесь, в мегаполисе, об этом даже и не задумываешься.

Нарезав в блюде колбасы и сыра, сварив еще кофе, Марина вышла на балкон и, уютно устроившись в кресле, стала с упоением разглядывать город. Благо, перед их домом были невысокие здания, и с четырнадцатого этажа открывался прекрасный вид на плывущий в летнем мареве мегаполис. Как же быстро начинаешь скучать по этим каменным джунглям. Даже недели не прошло с момента отъезда, а уже такая радость возвращения. Интересно, а сколько старик, Фе-

дор Алексеевич, не был в городе? Да и нужен ли он ему? Интересно, а самой Марине будет ли лет через сорок так же приятно возвращаться в огромный город, или намного приятнее будет жить уединенно где-нибудь в подмосковной деревне? А может, старик и рад был уехать в город, да обстоятельства не позволяют? Интересный, конечно, старикашка, загадочный. Как вот только его загадки разгадать? Загадкой, впрочем, стало и то, почему ее так легко отпустили? Суровость мужчин, прилетевших за ней на остров, не предвещала ничего хорошего. Марина ожидала серьезного разговора, угроз, утомительных допросов. А тут на тебе, все так резко и непонятно оборвалось. Вопросов стало еще больше.

Два следующих часа Марина провела во всемирной сети. Никакой информации о старике-робинзоне, естественно, не нашлось. По призракам интернет выдавал миллионы страниц. Понятно стало, что этот путь тупиковый. Надо искать другие варианты.

В рыболовецкой артели, да, пожалуй, во всем поселке, уже третий день не стихали разговоры. Сейнер Пантелеймоновича не только не пришел к причалу в назначенный день, но и вообще на связь перестал выходить. Сигнала бедствия не подавал. Помощи не просил. Куда подевался, непонятно. Да еще эти люди в штатском с красными удостоверениями. Пришли, забрали все личные вещи журналистки. Весть об этом быстро облетела поселок. И теперь жители терялись

в догадках, если она на сейнере, то зачем тогда они забрали вещи? Могли бы дождаться ее возвращения и вместе с вещами забрать. Если же журналистка у них, тогда как она к ним попала и где сейнер? Значит, люди в штатском должны знать, что с сейнером и рыбаками. Но почему тогда они молчали. Неужели в этом деле кроется какой-то огромный секрет? Все поселковые были явно перевозбуждены наличием такой тайны. Но единственной ниточкой к разгадке могло быть только возвращение сейнера. А его все не было и не было.

Сергей открыл своим ключом. У порога увидел кроссовки. Но на звук открывшейся двери никто не вышел. Тихонько прошел в комнату. Марина мирно спала на диване. Полюбовался ею немного, а потом поцеловал в щечку. Марина сначала вздрогнула, проснувшись, но потом широко раскрытыми глазами разглядела, кто стал причиной ее испуга и пробуждения, и тут же обвилась вокруг его шеи руками, а губами впиалась в его губы. В ту ночь никто не спрашивал друг друга о делах, кто где был и что делал. Это была ночь двух влюбленных, долго не видевшихся и успевших соскучиться.

Уже утром, за завтраком, Марина стала задавать Сергею дежурные вопросы о делах, зная, что он все равно ничего дельного не скажет. А вот он стал сразу вопросы по существу задавать.

– Почему ты приехала в кроссовках, где твоя обувь? Крас-

ной сумки тоже дома не видно. Тебя что ограбили? – четко, по-военному спрашивал Сергей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.